

БОРИС ВИАН

ПЕНА ДНЕЙ

I

Колен заканчивал свой туалет. Приняв ванну, он завернулся в широкую махровую простыню, оставив обнаженными только ноги да торс. Он взял со стеклянной полочки пульверизатор и оросил летучим ароматным маслом свои светлые волосы. Янтарный гребень разделил его шелковистую шевелюру на тонкие оранжевые пряди, напоминающие борозды, которые вилкой прокладывает веселый пахарь на блюде с абрикосовым конфитюром. Отложив гребень, Колен вооружился щипчиками для ногтей и косо подстриг края своих матовых век, чтобы придать взгляду таинственность. Ему часто приходилось это делать — веки быстро отрастали. Колен включил лампочку увеличительного зеркала и придвинулся к нему, чтобы проверить состояние своего эпидермиса. У крыльев носа притаилось несколько угрей. Сильно укрупненные, они поразились своему уродству и тут же юркнули обратно под кожу. Колен с облегчением погасил лампочку. Он размотал простыню, стягивающую ему бедра, и кончиком ее принялся удалять последние капельки воды между пальцами ног. Его отражение в зеркале показалось ему на кого-то удивительно похожим — ну конечно же, на того блондина, который играет роль Слима в Hollywood Canteen. Круглая голова, маленькие уши, прямой нос, золотистая кожа. Он так часто улыбался младенческой улыбкой, что на подбородке у него не могла не появиться ямочка. Он был довольно высокий, стройный, длинноногий и вообще очень милый. Имя Колен ему, пожалуй, подходило. С девчонками он говорил ласково, а с парнями — весело. Почти всегда у него было хорошее настроение, а в остальное время он спал.

Проткнув дно ванны, он выпустил из нее воду. Выложенный светло-желтой керамической плиткой пол в ванной комнате имел наклон, и вода стекала в желоб, который находился как раз над столом жильца, занимавшего квартиру этажом ниже. Недавно

тот, не предупредив Колена, переставил у себя мебель. Теперь вода лилась на буфет.

Колен сунул ноги в сандалии из кожи нетопыря и надел элегантный домашний костюм — вельветовые брюки бутылочного цвета и атласную фисташковую куртку. Махровую простыню он повесил на сушилку, а коврик для ног перекинул через борт ванны и посыпал крупной солью, чтобы извлечь из него воду. Коврик тут же оплевался — он весь покрылся гроздьями мыльных пузырьков.

Выйдя из ванной комнаты, Колен двинулся на кухню, чтобы лично присмотреть за последними приготовлениями. Как всегда по понедельникам, у него обедал Шик, живший неподалеку. Правда, нынче была еще суббота, но Колену не терпелось увидеть Шика и угостить его теми блюдами, которые вдохновенно стряпал его новый повар Николя. Двадцатидвухлетний Шик был ровесником Колена и тоже холостяком, да к тому же он разделял его литературные вкусы, но вот денег у него было куда меньше. Колен же обладал состоянием, достаточным для того, чтобы не работать на других и ни в чем себе не отказывать. А вот Шикю каждую неделю приходилось бегать к дяде в министерство, чтобы стрелкнуть у него денег, потому что профессия инженера не позволяла ему жить на уровне своих рабочих, а командовать людьми, которые и одеты лучше тебя, и едят лучше, весьма затруднительно. Изо всех сил стараясь ему помочь, Колен под любым предлогом звал его обедать. Однако болезненное самолюбие Шика заставляло Колена постоянно быть начеку — он опасался, как бы чересчур частые приглашения не выдали его намерений.

Застекленный с двух сторон коридор, ведущий на кухню, был очень светлый, и с каждой его стороны пылало по солнцу, потому что Колен любил свет. Куда ни глянешь, повсюду сияли начищенные до блеска латунные краны. Игра солнечных бликов на их сверкающей поверхности производила феерическое впечатление. Кухонные мыши часто плясали под звон разбивающихся о краны лучей и гонялись за крошечными солнечными зайчиками, которые без конца дробились и металась по полу, словно желтые ртутные шарики. Колен мимоходом погладил одну мышку: у нее были длинные черные усы, а серая шкурка на ее стройном тельце чудо как блестела. Повар кормил мышей превосход-

но, однако разведаться не давал. Днем мыши вели себя тихо, как мыши, и играли только в коридоре.

Колен толкнул эмалированную дверь кухни. Повар Николя не спускал глаз с приборной доски. Он сидел за пультом управления, также покрытым светло-желтой эмалью. В него были вмонтированы циферблаты различных кухонных аппаратов, стоявших вдоль стены. Стрелка электроплиты, запрограммированной на жаренье индейки, дрожала между «почти готово» и «готово». Птицу вот-вот надо было вынимать. Николя нажал на зеленый тумблер, приводивший в действие механический щуп, который легко вонзился в индейку, и в то же мгновение стрелка замерла на отметке «готово». Быстрым движением Николя вырубил энергопитание плиты и включил тарелкоподогреватель.

— Будет вкусно? — спросил Колен.

— Месье может не сомневаться, — заверил Николя. — Индейка откалибрована очень точно.

— А что вы приготовили на закуску?

— Ах, на сей раз я не стал ничего изобретать и занялся чистым плагиатом. У Гюффе.

— Да у вас губа не дура! — заметил Колен. — Какой же пассаж его великого творения вы воспроизводите?

— Тот, что изложен на странице шестьсот тридцать восемь его «Поваренной книги». Сейчас, месье, я вам его прочту.

Колен присел на табурет, обитый пористым каучуком, покрытым сверху промасленным шелком в цвет кухонных стен, и Николя начал читать:

— «Запеките паштет как для закуски. Разделайте крупного угря и нарежьте его ломтями толщиной в три сантиметра. Сложите куски рыбы в кастрюлю, залейте белым вином, добавьте соли, перца, тонко нарезанного лука, две-три веточки петрушки, немного тмина, лаврового листа и зубок чесноку...» Правда, мне, увы, не удалось вырвать его так, как положено, потому что зубодерные щипцы у нас совсем разболтались.

— Я велю купить новые, — сказал Колен.

Николя продолжал:

— «...Когда угорь сварится, выньте его из кастрюли и положите на противень. Процедите бульон сквозь шелковое сито, добавьте немного испанки и томите на медленном огне, пока соус не загустеет. Пропустите его сквозь волосяное сито, залейте им рыбу и кипятите минуты две, не больше. Затем разложите куски

угря на паштете, украсьте жареными шампиньонами, в середину воткните букет из молок карпа и залейте все это оставшимся соусом».

— Хорошо, — одобрил Колен. — Надеюсь, Шик это оценит.

— Я не имею удовольствия быть знакомым с месье Шиком, — заметил Николя, — но если это блюдо ему не понравится, то в следующий раз я приготовлю что-нибудь другое, и таким образом мне постепенно удастся определить с большой степенью точности всю гамму его вкусовых пристрастий от до до до.

— Конечно, — сказал Колен. — Засим я вас покину, Николя. Пойду накрывать на стол.

Он прошел по коридору в обратном направлении, пересек прихожую и оказался в столовой, служащей и гостиной: ее бежево-розовые стены и голубой ковер не утомляли глаза, даже когда они были широко раскрыты.

Эта комната, площадью примерно четыре метра на пять, выходила двумя продолговатыми окнами на бульвар Луи Армстронга. Зеркальные стекла раздвигались, благодаря чему весенние ароматы, если, разумеется, таковые имелись снаружи, могли проникнуть и внутрь помещения. Угол у противоположной стены занимал дубовый стол. По двум его сторонам стояли скамьи, а по двум другим — дубовые стулья с подушками из синего сафьяна на сиденьях. Вот и вся мебелировка, не считая длинной низкой полки, оборудованной под дискотеку, проигрывателя высшего класса и еще одной полки, симметричной первой, где хранились рюмки, тарелки, стаканы и прочие предметы, без которых цивилизованные люди не садятся за стол.

Колен выбрал голубую скатерть — под цвет ковра. Посредине стола вместо вазы он поставил колбу с двумя заспиртованными куриными эмбрионами, в точности воспроизводившими пластику призрака из балета «Видение розы» в исполнении Нижинского, а вокруг разложил веточки мимозы необыкновенной: знакомый ему садовник получил этот новый сорт от скрещения мима и розы, которая вместе с невинностью потеряла и букву «Р». Потом достал с полки белые фарфоровые тарелки с золотыми прожилками, по две каждому, и по прибору из нержавеющей стали с ажурными ручками, в которые между двумя пластинками из плексигласа было вставлено чучело божьей коровки — на счастье. Два хрустальных бокала и две салфетки, сложенные наподобие тиар, завершали сервировку. На все эти приготовления ушло

некоторое время. Едва они были закончены, как звонок сорвался с цепи и тем самым известил Колена о приходе Шика.

Колен расправил складочку на скатерти и пошел открывать дверь.

— Как поживаешь? — спросил Шик.

— А ты-то как? — вместо ответа спросил Колен. — Раздевайся и пойдем посмотрим, что делает Николая.

— Новый повар?

— Да, — ответил Колен, — я выменял его у тети, отдал ей моего старого повара и килограмм бельгийского кофе в придачу.

— Ты им доволен? — спросил Шик.

— Похоже, дело он знает. Ученик Гүффе.

— Человека из чемодана? — в ужасе воскликнул Шик, и его черные усики трагически поникли.

— Да нет, болван, Жюля Гүффе, знаменитого кулинара.

— В этом я не силен... Знаешь, кроме Жан-Соля Партра, я мало что читаю.

Он пошел за Коленом по выложенному плитками коридору, погладил мышей и попутно зарядил свою зажигалку каплей солнца.

— Николая, — сказал Колен, входя на кухню, — познакомьтесь, пожалуйста: мой друг Шик.

— Добрый день, месье, — произнес Николая.

— Добрый день, Николая, — ответил Шик. — Скажите, у вас нет племянницы, которую зовут Ализа?

— Есть, месье, — подтвердил Николая. — И, смею заметить, весьма красивая девушка.

— Между вами большое фамильное сходство, — сказал Шик, — хотя по линии бюста некоторое различие имеется.

— Да, у меня с годами грудь стала шире, — уточнил Николая, — а у Ализы она развивалась, так сказать, перпендикулярно, если месье позволит мне называть вещи своими именами.

— Выходит, мы почти что в семейном кругу, — обрадовался Колен, — а вы мне не говорили, Николая, что у вас есть племянница.

— Моя сестра сбилась с пути, — признался Николая. — Она изучала философию. В семье, которая гордится своими традициями, о таких вещах предпочитают молчать.

— М-да, — сказал Колен, — пожалуй, вы правы. Во всяком случае, я вас понимаю. Покажите-ка нам лучше ваш паштет с угрем...

— Сейчас небезопасно открывать духовку, — предупредил Николая, — не то произойдет резкое обезвоживание блюда в результате того, что внутрь проникнет воздух меньшей влажности, чем тот, который ее заполняет.

— Я предпочитаю увидеть это блюдо, когда его подадут на стол, — сказал Шик. — Пусть это будет сюрпризом.

— Горячо одобряю вас, месье, — сказал Николая. — Осмелюсь ли попросить месье разрешить мне вернуться к моим делам?

— Конечно, Николая, пожалуйста!

И повар вновь взялся за прерванную работу, которая состояла в том, что он опрокидывал на тарелки формочки с заливным из морского языка, украшенного ломтиками трюфеля, как и положено для рыбной закуски. Колен и Шик вышли из кухни.

— Не выпьешь ли аперитив? — спросил Колен. — Мой пианоктейль уже настроен, можешь его опробовать.

— Как, пианоктейль уже работает? — спросил Шик.

— Да, и притом отлично. Трудно было его наладить, но результат превзошел все мои ожидания. Я сыграл «Black and Tan Fantasy» и получил совершенно поразительную смесь.

— Какой принцип ты положил в основу механизма? — спросил Шик.

— Каждой клавише соответствует либо какой-нибудь крепкий напиток, либо ликер, либо сироп. Правая педаль добавляет в смесь сбитое яйцо, а левая — кусочек льда. Для получения сельтерской воды надо извлекать тремоло в высоком регистре. Дозы всех ингредиентов определяются длительностью звука: одной шестьдесят четвертой соответствует шестнадцатая часть объема, взятого за единицу, четверти — единица объема, а целой ноте — четыре единицы. Когда играешь медленную мелодию, включается особая система регистров, чтобы доза коктейля не увеличивалась, — иначе порция получилась бы слишком большой, — а только повышалась его крепость. Кроме того, можно, в зависимости от продолжительности мелодии, изменить величину объема, взятого за единицу, уменьшив его, например, в сто раз, чтобы получить напиток, в котором, с помощью особого модератора, учтены все законы гармонии.

— Все это очень сложно, — сказал Шик.

— Механизмом управляет электронное устройство через реле. Не стану вдаваться в детали, ты же сам хорошо разбираешься в этих вещах. Притом, заметь, это еще и пианино, на котором прекрасно можно играть.

— Невероятно! — воскликнул Шик.

— Осталась, правда, одна недоделка, — сказал Колен, — вот никак не налажу правую педаль, которая регулирует сбивание яиц. Пришлось поставить дополнительное сцепление, потому что, когда играешь что-нибудь слишком hot, в коктейль попадают куски омлета и их трудно глотать. Со временем я это, конечно, устрою, а пока придется быть повнимательней. Да, забыл сказать, что сливки — это «соль» в контроктаве.

— Сейчас сделаю себе коктейль на мотив «Loveless Love». Это должно быть нечто невообразимое, — сказал Шик.

— Пианоктейль стоит пока в чулане, который я оборудовал под мастерскую, — сказал Колен, — я не успел еще привинтить к нему деку. Пойдем. Для начала я его запрограммирую на два коктейля граммов по двести.

Шик сел за пианоктейль. Едва замер последний звук, как с сухим треском откинулась середина передней панели и показалась шеренга стаканов. Два из них были наполнены до краев аппетитной на вид жидкостью.

— Когда ты взял фальшивую ноту, я испугался, — сказал Колен, — но, к счастью, она оказалась в той же тональности.

— Он учитывает и тональность? — спросил Шик.

— Не всегда, — сказал Колен, — это была бы чересчур сложная задача. Но некоторая зависимость все же есть. Ну пей, и пошли к столу.

II

— Паштет с угрем просто изумителен, — сказал Шик. — Кто надоумил тебя заказать такое блюдо?

— Идея принадлежит Николаю, — сказал Колец. — У нас тут есть, вернее, был угорь, который каждый день появлялся в умывальнике, выползая из крана.

— Забавно! — сказал Шик. — С чего бы это?

— Он дотягивался до зубной пасты и пожирал ее, нажимая зубами на тюбик. Николай пользуется исключительно американской ананасной пастой, и угрю, видимо, она пришлась по вкусу.

— А как он его поймал? — поинтересовался Шик.

— Вместо тюбика с пастой он положил настоящий ананас. Когда угорь лакомился пастой, он ее легко заглатывал и беспрепятственно уползал назад, а тут вышло иначе: чем энергичней

он втягивал голову в кран, тем глубже его зубы вонзались в ананас. Николая...

Колен осекся и замолчал.

— Что Николая? — спросил Шик.

— Не решаюсь сказать, боюсь отбить у тебя аппетит.

— Говори, я уже почти все съел.

— Тогда Николая вошел в ванную и бритвой отсек ему голову.

Потом открыл кран, и угорь оказался в умывальнике.

— И все? — сказал Шик. — Положи мне еще паштета. Надеюсь, в водопроводной трубе живет и его многочисленное семейство.

— Николая положил на умывальник тубик с малиновой пастой, так что посмотрим... Послушай, кто эта Ализа, о которой ты с ним говорил?..

— Я как раз о ней думал. Впервые я увидел ее на лекции Жан-Соля. Мы случайно оказались рядом — оба лежали ничком под кафедрой, там мы и познакомились.

— Какая она? — спросил Колен.

— Я не мастер описывать, — ответил Шик. — Она прелестна...

— А!..

Вошел Николая, неся блюдо с индейкой.

— Садитесь с нами, Николая, — сказал Колен. — Ведь в конце концов, как справедливо заметил Шик, вы почти член нашей семьи.

— Если месье не возражает, я сперва займусь мышами, — ответил Николая. — Я скоро приду. Индейка нарезана... Вот соус...

— Обрати на него внимание, — сказал Колен. — Это сметанный соус из манго и можжевельника, им заполняют мешочки, сшитые из тонко отбитого телячьего филе. Ты на них нажимаешь, и соус течет струйками.

— Нет слов! — воскликнул Шик.

— Не можешь ли ты мне сказать, хотя бы в самых общих чертах, как ты с ней познакомился?.. — продолжал свое Колен.

— Право, не знаю... Я ее спросил, любит ли она Жан-Соля Партра, она ответила, что собирает все, что он пишет... Тогда я ей сказал: «Я тоже...» И всякий раз, когда я ей что-нибудь говорил, она отвечала: «Я тоже...» и *vice versa*¹. В конце концов, только для того, чтобы поставить экзистенциальный опыт, я сказал: «Я вас люблю», — а она в ответ воскликнула: «О!...»

¹ Наоборот (*лат.*).

— Опыт не удался, — заметил Колен.

— Да, — согласился Шик, — но она все же не ушла. Тогда я сказал: «Мне в эту сторону», — а она ответила: «А мне — нет», и добавила: «Мне в ту».

— Невероятно!

— Тогда я сказал: «И мне тоже в ту». И стал ходить за ней по пятам повсюду, куда бы она ни шла.

— И чем же это кончилось?

— Ну... Просто пришло время ложиться в постель...

Колен поперхнулся, и, чтобы прийти в себя, ему пришлось выпить пол-литра бургундского.

— Завтра мы с ней идем на каток. Завтра воскресенье... Пойдешь с нами? Мы решили идти утром, когда там не так много народа. Я, правда, немного стесняюсь, потому что катаюсь неважно, но зато мы сумеем поговорить о Партре.

— Хорошо, — пообещал Колен. — Я пойду с Николя... Может, у него есть еще племянницы...

III

Колен вышел из вагона метро и поднялся по лестнице. Однако он оказался не там, где рассчитывал, и, чтобы сориентироваться, обошел площадь. С помощью желтого шелкового платка он определил направление ветра, первый же порыв сдул с него цвет и унес на большое здание неправильной формы, которое сразу стало походить на каток «Молитор».

Миновав зимний бассейн, Колен вошел в каменную громаду с бокового входа. Створки стеклянных дверей с медными переплетами, хлопая, вели с ним двойную игру — и впускали, и отталкивали. Колен протянул абонемент, который подмигнул контролеру двумя уже пробитыми глазками. Контролер ответил понимающей улыбкой, что, однако, не помешало ему пробить третий глазок в оранжевой картонке, и она тут же ослепла. Колен без зазрения совести сунул ее обратно в свой бумажный сафьяник, то есть сафьяновый бумажник, и свернул налево, в устланный прорезиненной дорожкой коридор, где находились кабины для переодевания. На первом этаже свободных мест не было. Поэтому он поднялся по бетонной лестнице на второй этаж. Навстречу ему скакали верзилы — ведь все они были на вертикальных стальных полозьях, — тщательно стараясь сохранить при этом естественность

движений. Служитель в белом свитере открыл ему кабину и сунул в карман чаевые, но по всему было видно, что он лжец, что чая не пьет, что для него это не невинные чаевые, а винные или даже коньячные. Он оставил клиента в этом застенке, небрежно начертив мелом его инициалы на специально для этого предназначенном черном прямоугольнике. Колен обратил внимание на то, что у служителя была голова не человека, а голубя, и удивился, что он приставлен к катку, а не к бассейну.

С катка подымался овальный скрип полозьев, и музыка, звучащая из установленных вокруг динамиков, придавала ему весьма сложную структуру. Однако шум, который производили конькобежцы, еще не достиг того уровня громкости, который бывает в часы наплыва, — тогда его можно принять за топот полка, марширующего в слякоть по булыжной мостовой. Колен поискал глазами Ализу и Шика, но их на катке не было. Николая должен был прийти попозже: он еще возился на кухне, готовя обед.

Развязывая шнурки, Колен обнаружил, что на полуботинках уже нет подметок. Он достал из кармана пакетик пластыря, но его оказалось слишком мало. Тогда он положил полуботинки в лужицу под цементной скамейкой и полил их концентрированным удобрением, чтобы кожа снова отросла. Потом Колен надел шерстяные носки в широкую желто-лиловую полоску и ботинки с коньками. Их полозья спереди раздвигались, чтобы легче было поворачивать.

Он вышел из кабины и спустился на этаж ниже. Ноги его вихлялись, пока он брел по дорожкам из перфорированного каучука, которым были устланы бетонные полы коридоров. Но едва он отважился ступить на лед, как ему пришлось опрометью кинуться назад и подняться на две деревянные ступени, не то его сбила бы с ног мчавшаяся во весь опор конькобежка. Блестительно выполнив ласточку, она пожинала лавры, а уборщик тем временем сметал разлетавшиеся во все стороны лавровые листья. И тут Колен вдруг увидел Шика и Ализу, выходявших на лед с другой стороны катка. Он сделал им знак, но они этого не заметили. Тогда он кинулся к ним наперерез потоку катающихся, которые двигались по кругу. Конькобежцы, понося его на чем свет стоит, тормозили и в результате, подшибая друг друга, валились на лед. Эта куча-мала росла с каждой секундой за счет врезавшихся в нее несчастных созданий, отчаянно размахивавших руками и ногами, передергивающих плечами и извивавшихся

всем телом, прежде чем рухнуть на тех, кто был уже повержен. Лед от солнца подтаял, и под этой растущей на глазах горой тел плескалась вода. Очень скоро там уже собралось девять десятых катающихся, и каток таким образом оказался почти в полном распоряжении Шика с Ализой. Они подъехали к груде беспомощно копошившихся людей. Шик узнал Колена по его раздвоенным конькам и извлек его из самой гущи, вытащив за лодыжки. Они пожали друг другу руки, Шик представил ему Ализу, и Колен пристроился слева от нее, поскольку Шик уже находился одесную.

Посторонившись, они пропустили уборщиков, которые, надеясь найти в этом живом месиве что-либо, кроме не представляющих никакого интереса продуктов распада личности, вооружились скребками и двинулись к стоку нечистот, толкая перед собой всю кучу разом. При этом они пели гимн катка «Молистор», сочиненный еще в 1709 году Вайяном-Кутюрье:

Господа,
Соблаговолите, пожалуйста,
Очистить каток,
Чтобы дать нам возможность
Произвести уборку.

Все это сопровождалось гудками клаксона, чтобы даже самые закаленные души содрогнулись от ужаса.

Те, кто еще катался, аплодисментами приветствовали такую инициативу, и мусорный люк, поглотив все останки, захлопнулся. Шик, Ализа и Колен вознесли краткую молитву и заскользили по льду.

Колен не спускал глаз с Ализы. По странной случайности на ней был белый свитер и желтая юбка. Ботинки ее тоже были бело-желтыми, и каталась она на «канадах». Дымчатый цвет ее шелковых чулок оттенялся белыми носками, которые она подвернула, чтобы прикрыть верхнюю часть низких ботинок, зашнурованных белыми шнурками, трижды обмотанными вокруг лодыжек. К этому надо добавить ярко-зеленую шелковую косынку и на редкость густую копну вьющихся белокурых волос, которые обрамляли ее лицо. Она смотрела на мир широко открытыми синими глазами, а занимаемая ею часть пространства во вселенной была ограничена гладкой золотистой кожей. Руки и икры у нее были круглыми, талия — тонкой, а бюст очерчен очень четко, словно на хорошей фотографии.

Колен отвел взгляд, чтобы обрести равновесие. Ему это удалось, и, опустив глаза, он спросил Шика, как тот себя чувствует после паштета с угрем.

— Не напоминай мне об этом, — сказал Шик. — Я всю ночь ловил рыбу в своей раковине, надеясь, что и мне удастся поймать угря. Но попадались только форели.

— Николая и из них что-нибудь приготовит! — заверил его Колен. — У вас удивительно талантливый дядя, — сказал он, обращаясь уже к Ализе.

— Он — гордость семьи, — ответила Ализа. — Моя мать все не может утешиться, что вышла замуж за какого-то там доктора математических наук, в то время как ее брат так преуспел в жизни.

— Ваш отец — доктор математических наук?

— Да, он профессор Коллеж-де-Франс и действительный член Академии наук или что-то в этом роде... — сказала Ализа. — Стыдно... в тридцать восемь лет. Мог бы и постараться. К счастью, есть дядя Николая.

— Разве он не собирался прийти сюда сегодня? — спросил Шик.

От светлых волос Ализы исходил изумительный аромат. Колен посторонился.

— Видимо, он опоздает. Утром у него возникла какая-то новая идея. Давайте пойдем ко мне обедать, ладно? Тогда мы узнаем, во что он ее воплотит...

— Отлично, — сказал Шик. — Но если ты рассчитываешь, что я приму твое приглашение, у тебя превратное представление об объективной реальности. Тебе необходимо найти себе пару, чтобы нас было четверо. Иначе я не пущу Ализу к тебе, сам должен понимать.

— Нет! — запротестовал Колен. — Вы только послушайте!..

Но ответа он так и не услышал, потому что один непомерно высокий субъект, который вот уже пять минут упражнялся в скоростном беге, согнувшись в три погибели и весь подавшись вперед, проскочил у него между ногами, и возникшая воздушная волна подбросила Колена на несколько метров вверх. Ему удалось ухватиться за балюстраду второго этажа, он подтянулся, но не вверх, а вниз и, упав, очутился снова рядом с Шиком и Ализой.

— Все же надо бы запретить кататься так быстро, — сказал Колен и перекрестился, потому что конькобежец, врезавшись в сте-

ну ресторана на противоположном конце катка, растекся по ней, словно медуза, которую швырнул жестокий ребенок.

Уборщики снова взялись за дело, и один из них водрузил на месте несчастного случая ледяной крест. Пока крест не растаял, дежурный ставил пластинки духовной музыки. Потом все пошло своим чередом. Шик, Ализа и Колен продолжали кружить по льду.

IV

— Вот и Николя! — воскликнула Ализа.

— А вот и Исида, — сказал Шик.

Николя еще только проходил через контроль, а Исида уже вышла на лед. Первый поднялся в раздевалку, в то время как вторая подкатила к Шику, Колену и Ализе.

— Здравствуйте, Исида, — сказал Колен. — Познакомьтесь с Ализой. Ализа, это Исида. А Шика вы знаете.

Тут все стали пожимать друг другу руки, и Шик воспользовался этим минутным замешательством, чтобы удрать с Ализой, а Колен и Исида, так и не прерывая рукопожатия, покатались вслед за ними.

— Я рада вас видеть, — сказала Исида.

Колен тоже был рад ее видеть. К восемнадцати годам Исиде удалось обзавестись каштановыми волосами, белым свитером, желтой юбкой, ядовито-зеленой косынкой, желто-белыми ботинками и темными очками. Она была прелестна, но Колен хорошо знал ее родителей.

— На той неделе мы устраиваем прием, — сказала Исида. — По случаю дня рождения Дюпона.

— Дюпона? Кто это?

— Мой пудель. Я пригласила всех своих друзей. Вы придете? В четыре часа...

— С большим удовольствием, — ответил Колен.

— И приведите своих приятелей.

— Шика и Ализу?

— Да, они симпатичные... Значит, до воскресенья.

— Вы уже уходите? — спросил Колен.

— Ага, я никогда долго не катаюсь. Я и так здесь уже десять часов, пора и честь знать...

— Ведь сейчас только одиннадцать утра! — воскликнул Колен.

— А я была в баре... Привет!

V

Колен торопливо шел по напоенным светом улицам. Дул резкий сухой ветер, а под ногами хрустел затянувшийся лужи ледок толщиной с ноготок.

Прохожие прятали подбородки кто во что горазд: в воротники, в шарфы, в муфты, а один даже сунул свой подбородок в птичью клетку, да так, что дверца на пружинке упиралась ему в лоб.

«Завтра я пойду к Трюизмам», — думал Колен.

Это были родители Исиды.

«А сегодня вечером я ужинаю с Шиком...»

«Надо поскорее идти домой, чтобы подготовиться к завтрашнему дню...»

Он широко шагнул, стараясь не наступить на белую полосу зебры-перехода, — она показалась ему опасной. «Если я сумею сделать двадцать шагов, ни разу не наступив на белое, — подумал Колен, — то завтра у меня на носу не вскочит прыщ».

«Ах, все это глупости, идиотизм какой-то, — сказал он себе, в девятый раз наступая на белую полосу, — прыща у меня все равно не будет».

Он наклонился, чтобы сорвать голубовато-розовую орхидею, которую мороз выгнал из земли.

Она пахла, как волосы Ализы.

«Завтра я увижу Ализу...»

Эту мысль следовало гнать прочь. Ализа по праву принадлежала Шикю.

«Завтра я там, наверное, найду себе какую-нибудь девушку».

Но мысли его снова возвращались к Ализе.

«Неужто они в самом деле говорят о Жан-Соле Партре, когда остаются одни?»

Может быть, думать о том, чем они занимаются, когда остаются одни, ему тоже не стоило.

«Сколько статей написал Жан-Соль Партр за последний год?»

Так или иначе, он не успеет сосчитать их, прежде чем дойдет до своего дома.

«Интересно, чем Никола будет нас сегодня кормить?»

Если поразмыслить, то в сходстве Ализы и Никола нет ничего удивительного, поскольку они родственники. Но так он как бы невзначай снова вернулся к запрещенной теме.

«Да, все же интересно, чем Никола будет нас сегодня кормить?»

«Я решительно не знаю, чем Николая, который похож на Ализу, будет нас сегодня кормить».

«Николая на одиннадцать лет старше Ализы. Выходит, ему двадцать девять лет. У него большой кулинарный талант. Он нам приготовит фрикандо из телятины».

Колен подошел к своему дому.

«Витрины цветочных магазинов никогда не закрывают железными шторами. Никому и в голову не приходит красть цветы».

Оно и понятно. Колен снова сорвал орхидею, на этот раз оранжево-серую, и ее нежные, отливающие перламутром лепестки поникли.

«Она цвета моей мышки с черными усами... Вот я и дома».

Колен поднялся по каменной лестнице, покрытой ковровой дорожкой. Он всунул в замок серебристо-зеркальной двери золотой ключ.

— Эй, мои верные слуги, ко мне! Я вернулся!

Он швырнул плащ на стул и направился к Николаю.

VI

— Николая, вы готовите на ужин фрикандо?

— Вот те раз! Месье ведь меня не предупредил. У меня другие заеи.

— Какого дьявольского черта вы всегда и беспрестанно обращаетесь ко мне в третьем лице?

— Коли месье угодно выслушать мои объяснения, то извольте: я полагаю, что фамильярность допустима исключительно между людьми, которые вместе пасли свиней, а это, как вам известно, не наш случай.

— Вы высокомерны, Николая, — сказал Колен.

— Я горжусь своим высоким положением в обществе, месье, и вы, надеюсь, не поставите мне это в упрек.

— Безусловно, — сказал Колен, — но мне было бы приятней, если б вы держались со мной попроще.

— Я исполнен к месье искренней, хоть и затаенной привязанности.

— Польщен и счастлив, Николая, и, поверьте, отвечаю вам тем же. Итак, чем вы попотчуете нас сегодня вечером?

— Я намерен, снова следуя традициям Гуффе, создать на сей раз фаршированного колбасуся с Антильских островов под соусом из портвейного муската.

— А как его готовят? — заинтересовался Колен.

— Рецепт таков: «Возьмите живого колбасуся и сдерите с него семь шкур, невзирая на его крики. Все семь шкур аккуратно припрячьте. Затем возьмите лапки омара, нарежьте их, потушите струей из брандспойта в подогретом масле и нашингуйте ими тушку колбасуся. Сложите все это на лед в жаровню и быстро поставьте на медленный огонь, предварительно обложив колбасуся матом и припущенным рисом, нарезанным ломтиками. Как только колбасуся зашипит, снимите жаровню с огня и утопите его в портвейне высшего качества. Тщательно перемешайте все платиновым шпателем. Смажьте форму жиром, чтобы не заржавела, и уберите в кухонный шкаф. Перед тем как подать блюдо на стол, сделайте соус из гидрата окиси лития, разведенного в стакане свежего молока. В виде гарнира подавайте нарезанный ломтиками рис и бегите прочь».

— Нет слов! — воскликнул Колен. — Гуффе воистину великий человек! Скажите, Николая, у меня завтра не вскочит на носу прыщ?

Николя внимательно изучил хобот Колена и пришел к отрицательному выводу.

— Да, пока не забыл, вы танцуете скосиглаз?

— Увы, я все еще танцую вывих или стилем озноб, который с полгода назад вошел в моду в Нейи. В скосиглазе я не силен, знаю только несколько па.

— Как вы думаете, — спросил Колен, — можно за один урок овладеть его техникой?

— Полагаю, что да, — ответил Николая. — В общем-то, это несложно. Важно только не упасть и в безвкусицу не впасть. Например, не танцевать скосиглаз на ритмы буги-вуги.

— Тогда упадешь?

— Нет, в безвкусицу впадешь.

Николя положил на стол грибфрукт, который он чистил во время разговора, и ополоснул руки под краном.

— Вы очень заняты? — спросил Колен.

— Да нет, месье! Кухонная аппаратура уже запущена.

— В таком случае я был бы вам очень обязан, если б вы показали мне те па скосиглаза, которые вы знаете, — сказал Колен. — Пойдемте в гостиную, я поставлю пластинку.

— Я посоветовал бы месье выбрать что-нибудь в том темпе, который создает особую атмосферу, ну что-нибудь типа «Хлои»

в аранжировке Дюка Эллингтона или «Концерт для Джонни Ходжеса...», — сказал Николая. — То, что за океаном обозначают словами «moody» или «sultry tune».

VII

— Принцип стиля скосиглаз, что, впрочем, месье, наверно, и сам знает, состоит в интерференции двух динамических систем, вибрация которых строго синхронизирована.

— Я и не предполагал, — удивился Колен, — что тут приложимы термины современной физики.

— В данном случае партнеры находятся на весьма близком расстоянии друг от друга и вибрируют всем телом в ритме музыки.

— В самом деле? — с некоторым беспокойством переспросил Колен.

— Таким образом возникает система статических волн, имеющих, как известно из акустики, равномерные колебания, что немало содействует возникновению особой атмосферы в танцевальном зале.

— Несомненно... — прошептал Колен.

— Наиболее искусным танцорам, — продолжал Николая, — удастся создать и дополнительные очаги неких специфических волн, которые приводят в согласные покачивания отдельные части тела. Впрочем, не будем уточнять, какие именно, я лучше продемонстрирую месье, как танцуют скосиглаз.

Колен по совету Николая достал «Хлою», положил пластинку на диск проигрывателя, потом осторожно опустил иглу на ее первую бороздку и стал глядеть, как вибрирует Николая.

VIII

— У месье уже почти получается, — сказал Николая. — Еще одно небольшое усилие — и порядок.

— Но почему, — спросил Колен, обливаясь потом, — это танцуют под такую медленную музыку? Ведь так гораздо труднее.

— Сейчас объясню, — ответил Николая. — По правилам партнер и партнерша находятся на небольшом расстоянии друг от друга. Когда танцуешь под медленную музыку, то колыханье тела можно распределить таким образом, что неподвижной оста-

ется только зона вокруг пупка, а голова и ноги свободно вибрируют. В принципе к этому и надо стремиться. Однако, как ни прискорбно, случается, что нескромные люди танцуют скосиглаз на негритянский манер, в быстром темпе.

— Ну и что? — спросил Колен.

— А то, что вибрировать при этом начинают не только голова и ноги, но и чресла партнеров, поскольку неподвижные точки перемещаются из зоны пупка к коленям и грудным костям.

Колен залился краской.

— Все понятно, — сказал он.

— Если же танцевать в ритме буги-вуги, то получается тем неприличнее, чем прилипчивей мотив.

Колен впал в задумчивость.

— Кто вас научил танцевать скосиглаз? — спросил он Николая.

— Моя племянница... А теоретические основы этого танца я почерпнул из разговоров с зятем. Он ведь действительный член Академии наук, как месье уже знает. Поэтому ему не стоило большого труда осмыслить этот стиль. Он говорил мне, что сам разрабатывал его практически девятнадцать лет назад.

— Вашей племяннице восемнадцать? — спросил Колен.

— И три месяца, — уточнил Николай. — Если я месье больше не нужен, то разрешите мне вернуться на кухню, чтобы наблюдать за аппаратурой.

— Идите, Николай, и спасибо, — сказал Колен и снял пластинку, которая уже остановилась.

IX

«Я надену бежевый костюм, и голубую рубашку, и красный галстук с бежевым узором, и простроченные замшевые полуботинки, и красные носки в бежевую клетку».

«А до этого я тщательно умоюсь и побреюсь и внимательно огляжу себя в зеркале».

«Сейчас пойду на кухню и попрошу Николая...»

— Николай, может быть, мы сейчас немного потанцуем?

— Бог ты мой, если месье настаивает, то я, конечно, готов, но если нет, то я бы предпочел, честно говоря, заняться совершенно неотложными делами.

— Не будет ли нескромно с моей стороны полюбопытствовать, какими именно?

— Я возглавляю философский кружок домашней прислуги нашего квартала, где проводятся чтения на тему: «Сервилизм — это гуманизм», и поэтому мне не пристало пропускать наши занятия.

— Могу ли я поинтересоваться, Николая, чему именно будет посвящено сегодняшнее занятие?

— Сегодня речь пойдет о завербованности. Будут установлены соответствия между понятием завербованности у Жан-Соля Партра, вербовкой наемников в колониальные войска и наймом прислуги в частные дома.

— О, это очень заинтересовало бы Шика! — воскликнул Колен.

— К великому сожалению, занятия нашего кружка закрыты. Их посещает только прислуга. Следовательно, месье Шик не может на них присутствовать, поскольку он ею не является.

— А почему, Николая, вы все время употребляете «прислуга» в единственном числе?

— Месье и сам понимает, что употреблять прислуг во множественном числе было бы распущенностью.

— Вы правы, Николая. Как вы думаете, я встречу сегодня родственную душу?.. Мне хотелось бы встретить родственную душу вроде вашей племянницы.

— Месье не следует думать о моей племяннице, ибо, как явствует из последних событий, месье Шик первым застолбил ее.

— Но, Николая, — сказал Колен, — мне так хочется влюбиться...

Из носика чайника вырвалось облачко легкого пара, и Николая пошел открывать входную дверь. Консьерж принес два письма.

— Почта? — спросил Колен.

— Извините, месье, но это мне, — сказал Николая. — Месье ожидает известий?

— Я хотел бы, чтобы мне написала какая-нибудь девушка. Я бы ее очень любил.

— Однако уже полдень, — заметил Николая — Не желает ли месье позавтракать? Могу предложить рубленые бычьи хвосты, чашку пунша с ароматическими травами и гренки с анчоусным маслом.

— Как вы думаете, Николая, почему Шик отказывается прийти ко мне ужинать с вашей племянницей, если я не приглашу другой девушки?

— Пусть месье меня извинит, но я поступил бы точно так же. Месье ведь вполне хорош собой.

— Николая, — сказал Колен, — если я сегодня же вечером не влюблюсь, и притом по-настоящему, я... я начну коллекционировать сочинения герцогини де Будуар, чтобы подшутить над моим другом Шиком.

Х

— Я хотел бы влюбиться, — сказал Колен, — ты хотел бы влюбиться. Он хотел бы *idem* (влюбиться). Мы, вы, хотим, хотели бы. Они также хотели бы влюбиться...

Он завязывал галстук перед зеркалом в ванной комнате.

— Осталось только надеть пиджак, и пальто, и кашне и натянуть перчатку сперва на правую руку, потом на левую. Шляпы я не надену, чтобы не испортить прическу. Ты что тут делаешь?

Это он обратился к серой мышке с черными усами, которая забралась явно не туда, куда надо, в стакан для зубной щетки, и с самым независимым видом оперлась лапками о его край.

— Предположим, — сказал он мышке, присев на край ванны (четырёхугольника из желтого фаянса), чтобы быть к ней поближе, — что я повстречаю у Трюизмов моего старого друга Шоз...

Мышка кивнула.

— Предположим, — а почему бы и нет? — что он придет туда с кухни. На ней будет белый свитер, желтая юбка и звать ее будут Ал... нет, Онезимой...

Мышка скрестила лапки, явно выразив удивление.

— Да, — согласился Колен, — это некрасивое имя. Но вот ты — мышь, и у тебя усы. Что ж тут поделаешь?

Он встал.

— Уже три часа. Я из-за тебя опаздываю. А вот Шик и... Шик придет туда наверняка очень рано.

Он облизал палец и поднял его над головой, но тут же опустил: палец обдало жаром, как в духовке.

— В воздухе носится любовь, — произнес Колен. — Ух какой накал!.. Я встал, ты встаешь, он встает, мы, вы, они встаем, встаете, встают... Тебе не надоело сидеть в стакане? Помочь?

Но мышка доказала, что не нуждается в помощи. Она самостоятельно выбралась на волю и отгрызла кусочек мыла, похожий на леденец.

— Какая же ты лакомка! — сказал Колен. — Только смотри не испачкай все мылом.

Он прошел к себе в комнату и надел пиджак.

Виан Б.

В 41 «Пена дней» и другие истории : романы, рассказы / Борис Виан ; пер. с фр. М. Аннинской, А. Бахмутской, Е. Болашенко и др. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 928 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-16578-6

Борис Виан писал прозу и стихи, работал журналистом, писал сценарии и снимался в кино (полтора десятка фильмов, к слову сказать), пел и сочинял песни (всего их около четырех сотен). Редкий случай, когда интеллектуальная проза оказывается еще и смешной, но именно таково главное произведение Бориса Виана «Пена дней». Увлекательный, фантастический, феерический роман-загадка и сегодня печатается во всем мире миллионными тиражами. Не случайно Ф. Бегбедер поставил его в первую десятку своего мирового литературного хит-парада.

В настоящее издание также вошли романы «Осень в Пекине», «Сердцеде́р», «Красная трава», сборник рассказов «Мурашки» и два произведения, написанные Вианом под псевдонимом Вернон Салливан: «У всех мертвых одинаковая кожа» и «Я приду плюнуть на ваши могилы».

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

БОРИС ВИАН
«ПЕНА ДНЕЙ»
И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Татьяна Бородулина

Подписано в печать 22.05.2019. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 58. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ILN-25038-01-R